

Жизнь с восклицательным знаком

Человеческая жизнь состоит из взаимного общения, встреч, знакомств с самыми разными людьми. Одни из этих встреч мигают, стираются в памяти, но иные — наверное, не столь повседневные и частые — становятся счастливым знаменем, остаются с нами на долгие годы, порой на всю жизнь. Такие встречи радуют и обогащают, дарят понимание и сердечное тепло, заставляют наряду с благодарностью испытывать многие другие высокие чувства. Радостно сознавать, что жизнь не обошла и подарила тебе такую встречу.

Жизнь этого человека и артиста, конечно же, не уместилась в рамки написанной им интереснейшей книги «Жизнь. Театр. Кино», экземпляр которой, подписанный его рукой, нашел свое пристанище и на моей книжной полке. И книга, и надпись мне бесконечно дороги: «Дорогому моему другу настоящему, Борису, с любовью. Мих. Жаров». И столь же дорога светлая память об этом человеке — говорю с печалью «память», потому что миновал месяц, как его не стало...

Его заметили и полюбили вскоре после первых же шагов на сцене и на экране, которым впоследствии он отдал более шестидесяти лет своей большой и многотрудной творческой жизни. Одно поколение зрителей сменялось другим, но влюбленность в искусство актера переходила по зрительскому наследству, не уменьшалась, а росла, удивляла и радовала. Сказать, что он был популярен, значило бы сказать очень мало. Его действительно любили, как любят дорогих и близких людей, его узнавали, ему улыбались. Начав работу в кино с массовок, будучи еще юношей, он подарил впоследствии кинематографу много значительных, отлично сыгранных «жаровских» ролей. Из великого множества сыгранного достаточно вспомнить фильмы «Путевка в жизнь» и «Гроза», «Три товарища» и «Петр Первый», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона», «Медведь» и «Богдан Хмельницкий», «Секретарь райкома» и «Иван Грозный». И последние по времени, возможно более скромные, но оттого не менее интересные работы в фильмах «Старшая сестра», «Деревенский детектив». Сколь различные были роли в этих и десятках других фильмов, и сколь широко смог проявиться в них щедрый талант Михаила Ивановича! А сколько было ярких образов на сцене! О его работах в кино и театре написаны в разные годы многочисленные статьи, рецензии, монографии, что, право, сегодня было бы лишним пытаться собрать все это воедино, чтобы попытаться повторить сказанное, отмеченное и написанное ранее. Искусству М. Жарова, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий, удивлялись, поражались, по-доброму завидовали, искренне радовались, как проявлению чего-то очень важного и необходимого каждому человеку. Будучи от головы до пят истинным художником, человеком природного таланта, он одолевал крутые подъемы в любом жанре, заставляя переживать трагедию и драму или заражая зрителей непринужденной веселостью и смехом. При всем этом, в жизни он был трогательным и внимательным товарищем своих сверстников и совсем молодых, всегда был открыт для дружбы, не терпел позы, был по-детски раним, уважал в людях любовь к избранному делу. Говорить об этом могу по собственным впечатлениям от общения с Михаилом Ивановичем в последние полтора десятилетия.

В новогодье шестьдесят шестого на «Мосфильме» началась работа над экранизацией пьесы А. Володина «Старшая сестра». На одну из главных

ролей была предложена кандидатура М. Жарова. Последовало знакомство, первые разговоры, поиски костюма, грима, кинопроба. Конечно, годы есть годы, уже тогда его начали всерьез тревожить болезни, но он был крепок, в отличной актерской форме и как нельзя кстати по всем статьям пришелся на роль дяди двух сестер — героинь фильма. И ему роль пришла по сердцу, он ею ревностно дорожил и не без ощутимого волнения ждал результата пробы, звонил, интересовался впечатлением, приезжал смотреть «Нет, тут надо еще, надо еще...» — поговаривал он после просмотра и улыбался глазами, сохраняя насупленное и несколько недовольное выражение лица, словно говоря: «Уж я-то знаю, что еще надо».

Это был редкий, удивительно интересный творческий год, чему прежде всего способствовало участие в нашей работе Михаила Ивановича. Наверное, целую повесть можно написать о периоде съемок «Старшей сестры» с эпизодами из наших встреч, нашей работы, всего того сплетения серьезного и забавного, повседневного и исключительного, что нас всюду сопровождало. Не стану грозиться, что напишу когда-то об этом, но кто знает...

Были и апрельские, яркие весенние дни съемок в Ленинграде, где в самом центре Невского, у сквера перед театром А. Пушкина и среди прохожих возле сдобно-душистого магазина «Север» оператор В. Владимиров, продираясь сквозь толпу, пятясь спиной, снимал «скрытой камерой» проход М. Жарова, а наши умоляющие предупреждения к прохожим! «Не смотреть, не оглядываться» — были воплем в пустыне. И останавливались, и улыбались, и останавливали других идущих, и те повторяли «мизансцену». К чести оператора надо сказать, что он проявил себя виртуозом, и материал вошел в картину.

Были и дни съемок в павильоне студии, когда в декорации нередко собирался яркий актерский «букет» — и М. Жаров, и не отставший в шутке Л. Куравлев, совсем юная дебютантка Н. Тенякова, своеобразный, несколько замкнутый В. Соломин, вечно занятый и спешащий Е. Евстигнеев, трогательная в своей чистоте и трепетная И. Чурикова, неразгаданная и недоступная в тайнах своего характера Т. Доронина. Но, конечно же, в центре всегда был актер-патриарх, который был душой особенно в перерывах и минутах отдыха, всегда в связи с чем-то успевал что-то вспомнить из своего житейского кладезя. Рассказывая, показывая, и мы видели, какой была М. Вломенталь-Тамарина, как улыбался Н. Баталов, как сердился Л. Луков, как чудачил С. Эйзенштейн. Сколько же интересного тогда внесло в нашу жизнь общение с этим человеком!

В начальных строках своей книги он написал: «На моих глазах прошла жизнь не одного поколения. Я помню Россию начала века, Москву, ночных из-

возчиков, мне суждено было пережить и перечувствовать горячее время революционных бурь, о которых будут слагать легенды наши далекие потомки, силой обстоятельств я частенько оказывался в центре интереснейших исторических событий, помню Шалапина и Маяковского, Вишневского и Эйзенштейна, Таирова и Мейерхольда и многих других примечательных людей... Я был участником создания и развития советского кино». А его рассказы о работе и дружбе с Я. Протазановым, В. Петровым, Н. Симоновым, Н. Черкасовым и многими другими — всего коротко не перечислить. Сейчас трудно себе представить, когда он все успевал — играл и репетировал в Малом театре, возглавлял там партоганизацию, руководил Домом актера ВТО, был депутатом Моссовета, радовался успехам дочек в школе, писал книгу, участвовал в съемках на телевидении, на «Мосфильме» и, по его собственному выражению, еще и хворал — «между театром и кино».

Потом, уже из больницы, он в разное время напишет: «Спасибо за память. Не боюсь быть сентиментальным, но теперь — так редко помнят друг о друге. Разошлись, и с плеч долой... Лечиться надо, но это тоска и уныние, если человек полон, ну скажем, не богатырского здоровья, а хотя бы сил для того, чтобы начать творческую работу, без которой немисливо самоздоровье».

Слова «счастье», «счастливый», наверное, часто повторяются среди написанных здесь строк, но их не следует избегать, заменяя иными, сходными по значению. Счастливого, большую жизнь прожил актер, немало счастливых дней у него было связано и с «Мосфильмом», с окружающими его здесь людьми. Взаимно счастливыми были и для нас, его знавших, дни и месяцы общей работы, а иногда и последующие годы сердечных отношений и товарищества. На рубеже восьмидесяти лет болезнь на два-три года отодвинула его от активных дел, но он настойчиво писал на страничке из театрального репертуара: «Надеюсь вырваться и приобрести прежний вид! Желаю счастья!»

Большой, незаурядного таланта артище, он жил в искусстве всегда ярко, страстно, интересно, многообразно — жил поистине с восклицательным знаком!

В вестибюле Малого театра с фотографии смотрит на входящих сюда каждый вечер зрителей Михаил Иванович Жаров последних лет — седой, мудрый, не сыгранный им Лир. Он ушел. Но еще слышимы его речь, его смех, его рассказы. Он остался в десятках фильмов и запечатленных на пленке спектаклях, в умной, словно Гилларовский от театра, оставленной книге воспоминаний. Остался со своей обаятельной, веселой улыбкой в памяти зрителей и людей, его знавших...

Борис ВЕЛЬШЕР,
режиссер.